

### Филологические науки

#### ЮРОДСТВО В ТЕЗАУРУСЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА. ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Дырдин А.А., Куранов А.О.

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, e-mail: dyrd@mail.ru

Современное состояние платоноведения, свидетельствуют о том, что внимание исследователей смещается к малоизученным сторонам наследия Платонова. Этому способствовали вышедшие в последние годы научные работы, посвященные социокультурным, фольклорным, философским и религиозным контекстам творчества писателя (Х. Гюнтер, И. Есаулов Н. Корниенко, Н. Малыгина, С. Семёнова, и др.). Они расширяют горизонт представлений о Платонове-художнике, демонстрируют поиски новой концепции его эстетики и поэтики. Стратегии изучения творчества Платонова должны строиться с учетом новых фактов и результатов архивных поисков. Не менее важным является выявление широкого спектра связей Платонова с духовной жизнью русского народа. Данная исследовательская тема требует изменений в области литературоведческой герменевтики. Возникает необходимость создания метаязыка и способов интерпретации платоновских произведений, адекватных предмету изучения. Предстоит осмыслить процесс создания картины мира, обратившись к усвоенным, образно запечатленным писателем ценностям, традициям и идеалам, которые составляют значимую часть русской культурно-исторической жизни.

В современной гуманитарной науке одним из направлений поиска, открывающего смысловые пересечения разных сфер национальной культуры, стал тезаурусный подход. Он ориентирован на исследование традиций и представлений о мире, через которые действительность входит в сознание. Тезаурус – *thésaurus* – запас, сокровище (*греч.*), – это «общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект» (Вал.А. Луков, Вл.А. Луков). Тезаурус Платонова тесно связан с категориями юродства, с этим древним, уникальным явлением в Православии.

В своих произведениях Платонов тяготеет к показу идеального человека с верой в торжество добра и истины. Его художественное пространство насыщено эпизодами, в которых действуют «похабы» и странники, «нищие духом» герои, вплетающие в свою речь народно-православную лексику. Живущая в «народном человеке» (А. Платонов) глубокая вера, искания высшей правды в земной жизни, концепты вос-

крешения, жертвенности и греха имплицитны для ранних и поздних произведений, наиболее близки тезаурусу Платонова. Они проникли в текст из христианской письменности: житий, легенд, сказаний. Особенно значимы для нашей темы, представленные в них черты юродства, ставшего «русским национальным явлением» (А.М. Панченко).

Литературоведы начинают задумываться над соответствием художественной философии Платонова таким вектором народной религиозности как юродство. М. Михеев считает категорию юродства наиболее близким нелитературным явлением. И. Есаулов, обнаружил в образе Юшки из одноименного платоновского рассказа характерное для юродства подражание Христу в «изживании» мирового зла. Однако целенаправленное изучение юродства как тезаурусного пласта, определяющего творческую позицию, способы изображения основной массы платоновских персонажей – «душевных бедняков» – до сих пор не предпринималось.

Юродство, угасшее как форма религиозного подвижничества еще в XVII в., возрождается в русской литературе и культуре на протяжении последующих столетий. Исследователи истории юродства отмечают взлет почитания «блаженненьких» в России XIX века: на Севере и в Сибири, в Поволжье, а в середине столетия – в Воронеже. Начало XX в. – «ренессанс юродства» (С.А. Иванов).

В настоящее время юродство как стратегия поведения воспринимается в виде отличительной черты национального характера, воплощенного в русской литературной классике. Е. Мелетинский отмечает, что «юродство ряда персонажей в романах Достоевского несомненно ассоциируется с русским национальным типом юродивого, но Достоевский рисует и гораздо более разнообразную картину «смеховых» отклонений, которые все вместе как-то увязаны с изображением русского хаоса и охватывают целый веер вариантов <... >» [2, 161]. В случае с Платоновым парадигма юродства распространяется на самые разные стороны его эстетики. Творческая манера и стиль Платонова характеризуются в критике конца 1920-х – 1940-х гг. с помощью формул: «мрачная эстетика», «юродствующий писатель», «мироощущение нищего сироты и бродяги». Этим аспектом связь Платонова с концептом юродства не исчерпывается.

К платоновским героям юродивого типа можно отнести Александра Дванова и Захара Павловича («Чевенгур»), Вощева («Котлован»). Витютень из рассказа «Тютень, Витютень и Протегален» сходен по внешнему

описанию с подвизавшимся в Москве юродивым, по прозвищу Большой Колпак: «ходил голый, только живот обматывал рогожей...». Елпидифор Баклажанов из «Приключений Баклажанова», Иван Копчиков из «Рассказа о многих интересных вещах» также несут в себе черты юродства. Крайний имморализм, надругание над нравственными нормами – общее место повествований о русских «похабах». Если в одном из житий святой юродивый ест колбасу в страстные дни, то Фома Пухов («Сокровенный человек») еще и режет её на гробе жены. Собирая «прах и ветошь», юроды являют пример парадоксального мышления, делают внутреннюю речь внешней. Они демонстрируют взгляд на жизнь, обусловленный символическим, иносказательным поведением. В отличие от юродивого, причастного церковному культу, юродивого, как «особого антропологического типа», «человека-иконы» (Н. Ростова) платоновские уроды-юроды находятся вне трансцендентной перспективы. Они не лишают мир предметности, а наоборот – наделяют его осязаемыми предметами и вещами. Однако в своём пределе – именно юродством определены существенные свойства их мироощущения.

Гонимые и презираемые платоновские герои-юроды (например, Филат из повести «Впрок») далеки от канонического юродивого. В них, в отличие от изображения юродов в древнерусской литературе, отсутствует смеховое начало, элементы театральности, нет воли и силы для открытого «поругания миру». Как юродство могут быть истолкованы только отдельные жесты и особенности их психологии. Вместе с тем, юродствующее сознание проникает в философскую конструкцию произведения, обуславливая его поэтику. Сознание, сходное с изображённым у Платонова, П. Флоренский называл «тестообразным», «рыхлым». В нём (в «рыхлом» сознании, – А.Д., А.К.) есть что-то онтологически болезненное: «неприспособленность к самостоятельному существованию в мире – неприспособленность внутренняя и, легко может быть, хотя не необходимо, внешняя». По его словам, «такое сознание пропускает сквозь себя непосредственное воздействие внешнего бытия на внутреннюю сущность, и обратно» [4, 118].

Обращение Платонова к культурному архетипу юродства открывает возможности перекодирования смыслов. В результате возникают новые символические ряды, составлявшие основу художественной модели мира. Платонов, тем самым, сохраняет связь с традицией и синхронно трансформирует значение образов. Тезаурус Платонова не может быть понят исключительно в контексте феномена юродства. Однако, именно принадлежность писателя (его эстетики, об-

разного мышления, повествовательной стратегии) к этой форме православной традиции трудно отрицать.

#### Список литературы

1. Иванов С. А. Русское «похабство» // Византийское юродство. – М., 1994. – С. 137–156.
2. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001.
3. Ростова Н. Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради) // под ред. проф. Ф. И. Гиренка. – М.: МГИУ, 2010.
4. Свящ. Павел Флоренский. Имена. Архив свящ. Павла Флоренского // Малое собр. соч. – Вып. I. – М.: ТОО «Купина», 1993.

### ЛИНГВАДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Сурикова-Камю Л.Г.

*Университет российской академии образования,  
Москва, e-mail: lana.surikova@mail.ru*

Предложенная автором методика обучения английскому языку на материале учебного пособия «ENGLISH GRAMMAR IN COMMUNICATION» базируется на следующих методических принципах:

Предлагается сознательный путь обучения грамматике, который представляется автору самым надёжным. При этом в качестве средств семантизации используется русский язык.

Грамматический материал даётся в системе, элементы которой логически связаны и психологически мотивированы. На основе правил и инструкций, проиллюстрированных наиболее употребительными в разговорной речи речевыми образцами, вырабатывается представление о структуре языка, как о стройной языковой системе. Последовательность изложения грамматических правил в данном учебном пособии является ведущей. Объяснение времён отдельным блоком является оригинальным – такой подход в существующих учебных пособиях до сих пор не использовался.

Концентризм, как принцип системной подачи и распределения лексико-грамматического материала, используемый в пособии, даёт возможность многократного повторения учебного материала с разной степенью глубины содержания на разных этапах обучения на протяжении всего учебного курса.

Система тренировочных упражнений, рекомендуемая в пособии, содействует прочному закреплению усвоенных грамматических и лексических моделей; позволяет легко и без усилий извлекать из долговременной памяти иноязычные слова и модели предложения в зависимости от содержания высказывания; удерживать в кратковременной памяти опре-